

● В ТВОРЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ

«МЕНЯ УВЛЕКАЕТ ПОЗНАНИЕ ИСКУССТВА»

— ТАК ГОВОРIT солист Большого театра, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии Марис ЛИЕПА. Он принадлежит к числу наиболее интересных и популярных танцовщиков нашего времени. В его танце привлекают проникновенная одухотворенность и высокая техника. Каждый созданный им образ живет большой внутренней жизнью. Наш корреспондент И. ОКУНЕВ, встретившись с Марисом Эдуардовичем, взял у него интервью.

— В вашем «послужном» списке самые разнохарактерные роли, и не будет преувеличением сказать, что они вошли в сокровищницу мирового балетного искусства. Это — Зигфрид, Вронский, Красс, Ромео, Деэри, Альберт... Каждый из них — личность со своей судьбой, характером, духовным миром. Художнику дорого каждое его создание. Но, наверное, у вас есть партии, которые особенно интересны вам в творческом плане?

— Обычно актера спрашивают, какая из ролей самая его любимая. Лично я ответить на такой вопрос не смог бы. Это равносильно тому, как если бы у меня спросили, кого я больше люблю: дочь или сына? Они мне оба бесконечно дороги. Так и образы для актера — это его дети, которые он создал.

Вместе с тем особенно меня привлекают мои герои-антиподы. Я имею в виду разных персонажей одного и того же спектакля, которые нравственно, психологически противостоят друг другу. Например, в разных постановках «Спартак» мне довелось быть и Спартаком и Крассом. В «Анне Карениной» — Вронским и Карениным, в «Бачисарайском фонтане» — Вацлавом и Гиреем, в «Жизели» — не только Альбертом, но и лесничим Гансом. Это чрезвычайно увлекательно, ведь каждый раз как бы проверяешь себя, меру своего перевоплощения. Важно, мне думается, такое сочетание и психологически. Когда выступаешь в роли антипода — то как бы борешься с самим собой, стараешься доказать обратное тому, что изображаешь в другом образе, а в борьбе, в полемике человек всегда проявляется эмоциональней и убедительней.

— Анна Каренина — произведение, изучаемое в школе. Помогли ли вам школьные знания в постижении образов этого романа?

— Знакомство в школьные годы с романом Толстого, конечно же, не прошло бесследно при всей его философской и нравственно-этической сложности. Хотя бы уже в том плане, что побудило к нему прочный интерес. Впоследствии, неоднократно возвращаясь к этому произведению, я каждый раз открывал его для себя по-новому. Разумеется, я не стал танцевать лучше оттого, что внимательно и не раз читал «Анну Каренину», но пластика моего Вронского обогатилась живыми реалистическими штрихами, и поведение его стало внешне более мотивированным. Не берусь судить, насколько мне это удалось, но показать его мне хотелось не банальным аристократом, ищущим в жизни лишь развлечения. Вронский влюблен в Анну искренне и глубоко. Его чувство — вызов обществу, которое не терпит посягательства на свои устои, вызов его условностям, лжи и лицемерию...

— Роман «Спартак» — одна из любимых книг нашего юношества. Какова ваша трактовка героев этого произведения?

— В юности видишь лишь идеалы. Таким представлялся мне и Спартак — могучим, бесстрашным, готовым к самопожертвованию во имя свободы и счастья народа. Позже я стал понимать образ Спартака глубже, увидел не только его силу, но и слабость, как народного вождя, человека и полководца. В одном из писем к Энгельсу Маркс отозвался о Спартаке: великий генерал... благородный характер. Это диалектическое

сочетание величия и благородства стало для меня главным в образе Спартака.

Красс, противостоящий ему в спектакле, — подлинно шекспировский типаж. В нем воплощено философское осмысление зла и насилия. Красс — фанатически властолюбивый диктатор, но вместе с тем холодный расчет сочетается в нем с эмоциональностью. Некоторые штрихи в его портрете мне подсказал, например, рисунок римского триумвирата в книге, которую я приобрел однажды во время гастролей в Мексике. До этого рисовал его лишь в своем воображении, ведь не существует ни графического, ни скульптурного изображения Красса как исторической личности.

— Читателей интересует, как вы стали артистом балета?

— У нас в доме отмечали первый послевоенный Новый год. Самое страшное осталось позади, и теперь все думали о будущем. В числе наших гостей был директор Рижской хореографической студии. Увидев меня — худенького, тщедушного, он посоветовал отцу определить меня к ним, чтобы немного оброс мышцами, как он выразился. Был я в ту пору действительно так мал и худ, что мне не давали даже мои девять лет.

Как все сверстники я, конечно, увлекался футболом, городками, баскетболом и другими подвижными мальчишескими играми. Меньше всего помышлял о том, чтобы танцевать и сразу же попал в число самых отстающих учеников. Трижды меня исключали и только из уважения к отцу снова восстанавливали.

В 1950 году в Москве состоялся смотр хореографических училищ, и я оказался в числе тех, кто представлял Ригу. Мое исполнение де-труа из балета «Щелкунчик» и мазурки неожиданно получило высокую оценку, но еще большее впечатление произвело на меня то, что я увидел в те дни на сцене Большого театра. Мое воображение было полностью захвачено чудесным миром танцевального искусства, и ни о чем другом я уже не мог думать. Вернувшись домой, старательно вывел в дневнике: «Я тоже буду танцевать принца в «Лебедином озере». С этого дня я с головой ушел в занятия и успешно закончил училище, педагоги которого проявили ко мне поистине ангельское терпение. А потом снова была

учеба, но уже в Московском хореографическом училище...

По своему примеру сужу, как велико может быть в судьбе человека значение педагогической мудрости и выдержки. Проще всего было бы избавиться от лентяй и непоседы, труднее — заинтересовать и увлечь.

— Одна из газет, публикуя материал о вас, вынесла в заголовок слова: «Моя жизнь — балет». Но ведь балет, судя, например, по голубому экрану, далеко не единственная ваша муза?

— Не только в привычной роли танцовщика, но как драматический актер и даже певец я выступил, например, в «Бенефисе». В балете И. Стравинского «Солдат и черт» тоже есть танец и пантомима, слово и пение. Именно тогда я стал пробовать себя в других видах искусства: снялся в фильмах «Четвертый», где играл американского прогрессивного общественного деятеля, хореографа и танцовщика, в «Могилах льва», где исполнил драматическую роль князя Всеслава. Меня увлек процесс познания искусства в разных его жанрах и видах.

— Балет — своеобразный вид искусства. Что особенно важно, на ваш взгляд, для тех, кто собирается посвятить себя этому виду искусства?

— Будущим артистам балета, следует помнить следующее — самая отточенная техника остается мертвой, если человеку, который ею владеет даже в совершенстве, нечего сказать другим людям. Если все его богатство в физических данных, в том, что он высоко и легко прыгает, изящно двигается на сцене. Лично я отдам предпочтение мимолетному наклону головы, статике застывших линий, если в них присутствует психологическая правда образа, идущая изнутри. Техника не должна быть самоцелью. Она и не вызывает теперь уже такого энтузиазма в зрительном зале, как прежде. Люди идут в театр, чтобы сопереживать. Кроме того, балетное искусство непрерывно развивается, совершенствуется. Прежде, например, для того, чтобы признаться: «Я тебя люблю», требовалось приложить правую руку к груди. Сегодняшний балет говорит уже совсем другим языком, палитра его движений и жестов значительно преобразилась.

Человека можно научить всему. Он может быть неплохим работником в самых различных областях. Но если он лишен от природы способности самостоятельного мыслить, глубоко и тонко чувствовать, то в искусстве ему делать нечего, и это следует разъяснять молодым людям своевременно, чтобы они не льстили себя напрасными надеждами и не тратили зря время. Учились делать то, в чем принесут максимум пользы обществу и смогут по-настоящему проявить себя.

Но и одних способностей тоже недостаточно: их надо развивать и воспитать. Вот здесь-то и призваны сказать свое слово педагоги. Примером тому может служить, в частности, работа Галины Сергеевны Улановой.

Однажды я и сам имел возможность воочию наблюдать педагогический процесс, когда его творила великий мастер. Она занималась тогда с Ниной Семизоровой, ставшей моей партнершей в «Жизели». Постепенно, шаг за шагом Галина Сергеевна раскрывала перед молодой артисткой контуры будущего образа. Учебный процесс она видела, судя по всему, в том, чтобы всемерно помочь ученице в творческом и самостоятельном постижении характера ее будущей героини. Настоящий педагог всегда стремится к тому, чтобы научить своего ученика ДУМАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО.

— Насколько известно, вам тоже пришлось однажды на сцене соприкоснуться с педагогикой?

— Да, это было в телеспектакле «Пигмалион и Галатея». Содержание его широко известно. Скажу лишь, что многое в нем зависело от качества хореографического решения, выразительности пластики. Взять, к примеру, сцену обучения хорошим манерам и правильному английскому произношению, когда выражать это приходится языком танца. В нашем спектакле этот своеобразный урок перенесен в балетный класс. И всему этому я, исполняющий роль Хиггинса, учу здесь Элизу Дулиттл, которую играет Екатерина Максимова. В этом молчаливом диалоге у нас возникает полное взаимопонимание благодаря красноречивости хореографического языка, разработанного Дмитрием Брянцевым.

Играть с такой замечательной

балериной, выступающей в роли ученицы, необычайно интересно. Не только потому, что она в данном случае способна и восприимчива. Она и сама, как актриса, умеет находить яркие и удивительно точные краски для воплощения своей героини. Буквально вся преобразуется в такие минуты «ученичества». Мимика становится вульгарной, жесты угловатыми и развязными. Даже самые правильные балетные позы выглядят непривлекательными. А какая метаморфоза происходит с недавней уличной девчонкой, замарашкой под влиянием воспитателя! Способная ученица, она постепенно овладевает чистотой и красотой движений, манер и жестов. Для учителя — это счастливые минуты — видеть плоды своего труда.

— А за пределами сцены вы могли бы отнести к себе известные слова: «Учитель, воспитай ученика»?

— Воспитание творческой смен — первостепенная задача. Занятия в хореографическом училище я вел более 15 лет с огромным увлечением. Многие нынешние солисты в недавнем прошлом были моими учениками. Большая занятость на сцене и работа над книгой в последнее время отвлекли меня от занятий с молодежью. Но из опыта своей педагогической деятельности я пришел к выводу, что с самого начала важно войти в воспитанника в контакт, чтобы у них исчезла скованность, застенчивость, но нужно сохранить при этом верный тон общения. В простоте и симпатии не утратить строгости и требовательности.

— Что бы вы хотели посоветовать педагогам на основании личного жизненного опыта? Какие черты характера следует воспитывать у своих питомцев в первую очередь, что им особенно пригодится в будущем?

— Прежде всего трудолюбие и настойчивость — они требуются в любом деле. В искусстве балета без них вообще ничего не добьешься, потому что здесь идет ежедневная, неустанная, бескомпромиссная борьба с самим собой, когда собственное тело подчиняешь своей воле.

Среди дисциплин средней школы есть такая, которая развивает качества, необходимые любому человеку, независимо от его индивидуальных способностей и того, какую специальность он выберет себе в будущем. Я имею в виду физкультуру. Именно она помогла мне осуществить проснувшуюся однажды мечту о принце в «Лебедином озере» — человеку яркого и волевого характера. То, что другим давалось легко и не вызвало чрезмерного утомления, у меня в училище получалось с трудом, надолго лишало сил из-за недостаточной физической подготовки. И вот тогда я и начал заниматься спортом. Неожиданно у меня обнаружились данные для того, чтобы стать незаурядным пловцом. Новому увлечению способствовало и то, что моя сестра и ее муж занимались плаванием и были известными спортсменами. Пример старших оказался заразительным. За три года я стал чемпионом Латвии в плавании вольным стилем. Хотя мне предсказали новые достижения в спорте, я остался верен своей мечте танцевать в «Лебедином озере».

За воспитание в характере этой целеустремленности я обязан своим педагогам.

НА СНИМКЕ: Марис Лиепа. Фото В. ПЧЕЛКИНА.